

Во время непродолжительного отдыха, русская принцесса по настоянию всего собравшегося общества рассказала, каким именно образом она испытала на себе впервые действенность стимулирующего средства, преодолевающего холодность чувств, а также приятные последствия первого же применения розги к ее заду. Поскольку вся компания великолепно понимала французский, а принцесса владела им в совершенстве, пояснения давались ею именно на этом языке.

Образование я завершила в Англии, — начала она, — куда мои родители, занимавшие видное положение в мире дипломатии, привезли меня в возрасте пятнадцати лет. Тотчас же по прибытии меня вверили попечению миссис Траскотт, руководившей в Лондоне школой-пансионом для молодых девиц, где я быстро подружилась с юными английскими мисс, давно постигшими сладость интимного общения между девушками. Одна из них, мисс Блонд, не раз уединяясь со мной и пытаясь испробовать на мне все очаровательнейшие приемы контакта, так и не достигла успеха, с величайшим удивлением столкнувшись с моей холодностью и полным отсутствием реакции на столь интимные ласки. В пансионе было принято наказывать за мелкие проступки шлепками, а за более серьезные — сечением розгами, которому обязательно должно было предшествовать подготовительное наказание руками, производившееся миссис Траскотт с величайшей суровостью. В один прекрасный день, а это случилось через два месяца после моего приезда, нас с мисс Блонд застали, и начальница приговорила к наказанию розгами у себя в комнате. Нас проводили туда после вечерних классов; на случай сопротивления со стороны провинившихся начальнице оказывали содействие две помощницы, весьма сильные и крепкие вследствие своего возраста. Мисс Блонд оказалась первой из нас, кем занялась миссис Траскотт. Она положила девушку поперек колен и со всей строгостью звучно отшлепала по обнаженному заду, да так, что кожа по всей поверхности ягодич стала красной. После этого, связав девушке руки, она велела одной из помощниц поставить ее на ноги и чуть-чуть пригнуть, другая же взяла ее за ноги, а начальница отвесила ей три дюжины ударов розгой. Девушка взвыла уже на первом ударе, задергалась всем телом и стала крутить ягодичами, словно одержимая. Но посреди наказания, с каждым ударом становившимся все более и более суровым, она вдруг затихла, и мне даже показалось, что она сжимала и разжимала ягодичи точно так же, как тогда, когда я пальцем отвечала на ее ласки и наблюдала за тем, как живо на это реагировала она в отличие от меня. И когда порция была выдана сполна, кожа у девушки была такой же красной, как мундир английских конных гвардейцев. Ее отпустили, и теперь ее место должна была занять я.

Несмотря на оказываемое мною сопротивление миссис Траскотт при содействии обеих помощниц все же сумела уложить меня поперек колен; и несмотря на то что я отбивалась как могла, помощницы стянули с меня панталоны и закатали рубашку, тем самым открыв мой зад и любезно предоставив его начальнице, которая крепкой и сильной рукой стала наносить по нему весомые удары, приговаривая по ходу наказания.

«Шлеп-шлеп, — звукоподражательно замечала она, — я заставлю вас позабыть про дурное, отучу вас шалить, шлеп-шлеп, вам надолго запомнится столь целебное наказание!» Шлепки становились все более и более крепкими, я терпела адские муки, кожа горела, и мне даже

показалось, что она вот-вот лопнет под ударами жестоких пальцев, и вдобавок, думала я, это еще не все: если я выдержу эту пытку, без сомнения, это всего лишь начало. А когда начальница устала шлепать меня, помощницы связали мне руки за спиной и уложили лицом вниз на софу, обнаженную от затылка до подвязок; одна из помощниц зажала меня ногами, усевшись на поясницу, точно мужчина в седло, другая схватила меня за ноги, а миссис Траскотт взялась за розги, предупредив, что то, что я выдержала, — всего лишь цветочки по сравнению с тем, что меня еще ждет.

И действительно, первый же удар розги, со свистом опустившейся на мои ягодицы, заставил меня громко вскрикнуть от боли; после второго мне показалось, что с меня сдирают кожу, и я бешено задергалась на диване и взвыла; безжалостный палач считал удары и опускал розгу медленно, но со все большей силой, исторгая из меня душераздирающие вопли; я испытывала муки ада, а наказывавшая меня женщина — монстр еще и приговаривала «Ух» при каждом ударе, вложив в это всю свою ярость; с каждым ударом боль становилась все нестерпимее, и мне даже показалось, что розга кромсает меня на части. Мне было до того страшно, что мой вой перекрывал свист рассекающей воздух розги. Но вот где-то в середине наказания, несмотря на то, что розга ложилась на меня самым безжалостным образом, боль начала слабеть; к тому же огонь, обжигавший иссеченную кожу, стал проникать внутрь, спускаться вниз, и в конце концов я ощутила его спереди, куда не доставала розга, но где мисс Блонд так часто действовала язычком и пальчиком, а я не могла как следует этого оценить, а сейчас низ живота охватил сладкий жар, перешедший в несказанное наслаждение, и я почувствовала, как эти места залила влага; и когда фурия уже кончала наносить мне третью дюжину ударов, я погрузилась в океан страсти и пожалела, что не совершила второго проступка, который бы заставил мстительные розги начать все сначала.

Как только я в тот же самый вечер вновь увиделась с мисс Блонд, я рассказала ей о своих ощущениях. Девушка даже посмеялась, узнав о том, что для меня это было новым и неожиданным, и, рискуя тем, что нас опять могут застать и ягодицы каждой из нас станут объектом гнева миссис Траскотт, она отвела меня в укромный уголок, где попыталась в очередной раз воздействовать на меня при помощи тех самых приемов, которые прежде оказывались безуспешными, и на этот раз результат превзошел все ожидания.

Получилось так, что довольно долго мне не приходилось встречаться с розгой, и я опять мало-помалу возвращалась к прежней холодной бесчувственности, так что мисс Блонд напрасно старалась оживить меня, ибо все ее усилия оказывались тщетными, а возможности — исчерпанными. Но как-то раз я совершила серьезный проступок, и меня опять повели сечь, и вот после наказания руками при первых же ударах розги я вдруг ощутила те же приятные наплывы сладострастия, что и в тот раз, и через полчаса увидевшись с мисс Блонд, я вновь предалась наслаждению.

Когда позднее я вернулась в свою страну, получила возможность осознать, что для нашего холодного северного темперамента требуются возбуждающие средства. Наилучшее и наиболее эффективное из них, поскольку не приносит ни малейшего вреда здоровью и не оставляет после себя ни малейших следов и физических нарушений, если применяется с толком и умом, — это розга.

«Кстати, — проговорила она под конец, — можете убедиться сами»,

Произнеся эти слова, она повернулась к нам прекрасным белым задом, где, несмотря на основательную и совсем недавнюю порку, не осталось ни малейших следов воздействия...

На следующий день мисс Пируэт прибыла первой, привезя с собой обернутую в шелк связку березовых розог, заявив нам, что намеревается проверить действие возбуждающего средства, о котором нам поведала русская принцесса. Вскоре приехали и две остальные, имея при себе точно по предварительному сговору пучки розог, ибо они тоже решили произвести испытание расхваленного стимулятора. Принцесса, видя, что они настроены всерьез, взяла слово, чтобы дать им совет.

— Чтобы розга, — предупредила она, — даже при строгом ее применении не портила кожу, следует предварительно производить наказание руками; тогда зад, разогретый подобными манипуляциями, в большей степени подготовлен к розге, и она не будет рвать обработанные при помощи рук кожные покровы, конечно, если порка, сколь бы крепкой она ни была, будет производиться разумно.

Кончита и Долорес разделись. Долорес улеглась в постель на спину, Кончита в обратной позе легла сверху, и таким образом щели каждой из них были подставлены языкам друг друга, причем Кончита выставила поверх лица Долорес свой широкий бархатистый зад, так что могучие и округлые ягодицы расположились наиудобнейшим способом для порки. На меня возложили обязанность подготовить к ней прекрасные полушария при помощи рук; я приблизился с занесенной для удара рукой и, как только оказался рядом с великолепным задом, приступил к серии шлепков, поначалу слабых, почти не оставляющих следов на теле, потом более крепких, когда пальцы стали прочерчивать розовые линии; наконец ряд сильных ударов окрасил обработанную подобным образом кожу в красный цвет, вдобавок шлепки громко резонировали. И когда кожа побагровела и вздулась, я уступил свое место принцессе и та взялась за розгу, поначалу применяя ее с умеренностью, ритмично, производя больше шума, чем боли, кладя удары вразброс, но затем стала сечь построже. Исчерченные красными полосами ягодицы затрепетали; наконец, когда посыпались более сильные, более режущие удары, зад стал резче подпрыгивать вверх-вниз над самым лицом Долорес; та же обняла зад Кончиты руками, чтобы придерживать щель на уровне губ, из-под которых высовывался розоватый язычок, наполовину погружавшийся в отверстие, где он обрабатывал клитор и облизывал алые губки приотворенного грота. Принцесса обрушила розгу на пышные полушария, которые, извиваясь в сладких мучениях, то подпрыгивали, то раздвигались, то сжимались, возбужденно трепетали, тем самым показывая, что храм любви охвачен радостью. Тут исполнительница прекратила наносить удары; сжавшиеся ягодицы какое-то время призывно покачивались и наконец раздвинулись, демонстрируя в самом низу широко открытой промежности маленькую карамельку.

Когда же было решено разъединить подруг, Долорес, поскольку не довела дело до конца, настояла на том, чтобы ей дали возможность продолжать, и ее язычок, так и не покинувший приюта наслаждения, возобновил, охваченный безумным порывом, свои сладострастные прогулки. Я скользнул в постель, чтобы дотронуться пальцами до раскрасневшейся плоти, а затем приложил губы к маленькой черной точечке; ягодицы буквально пылали, и когда мой язык проник внутрь крошечного отверстия и занялся его обработкой, вход туда напоминал дверцу печи, чуть ли не обжегшей мне губы, и вот обе девчонки задержались и затрепетали, повергнутые в бездну безумного наслаждения; причем Кончита — вторично, давая тем самым наглядное доказательство действенности стимулирующего средства.

Теперь настала очередь Долорес попробовать розгу. Раздевшаяся мисс Пируэт уложила Долорес на край постели лицом вниз, оставив ноги на полу, так что она очутилась в согнутом

положении, выставив свои могучие полушария, словно два полумесяца, и теперь мне предстояло выдать ей три дюжины звучных шлепков, а когда покрасневшийся от моих прикосновений зад был уже готов к применению розги, мисс Пируэт улеглась на постель, причем поперек, скользнула под Долорес, остававшуюся в прежнем положении; однако зад при этом несколько приподнялся, ноги более не опирались о пол, а просто свисали с постели. Баядерка обвила зад рукой, чтобы он не прыгал у нее перед ртом, а когда она начала возносить молитвы в храме, Софи, которой было доверено применять весь этот день розги, устроилась позади полушарий и начала действовать. От первых десяти ударов Долорес даже не поморщилась, несмотря на то, что наказание осуществлялось весьма сурово; но уже с одиннадцатого удара ягодицы начали подергиваться, а потом и подпрыгивать от более резких и безжалостных прикосновений; ягодичные мускулы приводили в движение ноги, и Долорес непроизвольно начинала ими дрыгать в воздухе всякий раз, как только розга со свистом ударяла зад, подскакивавший при каждом ударе; и, вся трепеща, она оказывала гроту мисс Пируэт те же услуги, какие получал ее собственный.

А когда полушария покраснели и опухли, принцесса, догадавшись, что приближается момент, когда удары розог станут ненужными и видя, как конвульсивно подергиваются полушария, поскольку розга сделала свое дело, отбросила инструмент, встала на колени подле разгоряченного зада и начала оказывать ему самые нежные знаки внимания, чем сделала наслаждение еще более острым.

Теперь лечь под розги предстояло мисс Пируэт. И вот девушке, которая была еще в полузабытьи, помогли встать, и она повела меня к креслу, а за нею проследовала вся компания; когда я уселся, она улеглась поперек колен, подставив мне под правую руку свой прекрасный зад и попросив действовать безо всякой пощады. Идя навстречу ее желаниям, я устроил ей суровую порку, шлепая крепкой и сильной рукой, при этом систематически ударяя два раза подряд по одному и тому же месту; а когда ее ягодицы были готовы для розги, она поднялась, сверкая глазами от сладострастия, протянула руку к моей ширинке и достала оттуда моего разъяренного мэтра Жака, которым тотчас же решила закусить. Я приспустил штаны, уселся в кресле поудобнее и стал ждать, что будет дальше. Девушка же прыгнула мне на колени, ввела в себя вертел и расселась у меня на ляжках, загнав машину как можно глубже и неподвижно застыв поверх моего жезла.

С розгами в руках Софи стала охаживать ими выставленный крупный зад, но на него, казалось, не действовали даже самые сильные удары, и девушка никак на них не реагировала. Я все время ждал, когда же она начнет скакать и подпрыгивать, но девушка оставалась неподвижной, она словно приклеилась к моему колу. Наконец я почувствовал, что она, похоже, пробудилась; но, вместо того чтобы начать ездить по члену, она стала тереться о мои ляжки, обнимая член в вагине, отчего он то стягивался, то увеличивался в размерах по мере того, как на ягодицы обрушивался очередной удар; принцесса начала сечь вдвое сильнее, инструмент со свистом опускался на нежную кожу, производя звук словно при ушибе; девушка же продолжала ерзать, перемещаясь по горизонтали, и это движение, почти незаметное для постороннего глаза, оказалось весьма сладостным для моего взятого в плен приапа. Слившись со мной губами, мисс Пируэт покусывала мои губы почти до крови, в то время как под ударами розги, рассекающей ягодицы, ее пульсирующая вагина высасывала из моего дротика все до последней капли, так и не выпуская его из объятий.

Пламя, разожженное принцессой, ярко пылало, и было ясно, что стимулирующее средство

более не требуется. Для зрительниц столь соблазнительная картина бурных страстей была весьма поучительна, так что они тотчас же возжаждали испробовать на себе сладость телесных наказаний. Все мигом разделись. Лола, Мина и Лизон растянулись на ковре рядом друге другом, подложив под голову подушку. Бланш, Агнесс и Мерседес улеглись на трех служанках в обратной позиции, чтобы и те и другие смогли взаимно доставить радость при помощи языка, причем у устроившихся сверху прелестные зады расположились по одной линии; Кончита, Долорес и Софи уселись верхом на трех подружек лицом к полушариям, пристроив щель на пояс, так что ягодицы находились у них перед глазами и в пределах досягаемости. Сечение эти трое производили правой рукой, и весьма сильно.

Мисс Пируэт поставила кресло лицом к этим группам и попросила меня туда сесть; затем она подвела ко мне белокурую Сесиль и уложила поперек колен так, что она перегнулась и выставила зад; затем мисс Пируэт сама просунулась мне под ноги и принялась за пушистую кошечку девушки: вытянула шею, выставила вперед губы, высунула язык и стала им действовать наилучшим образом, в то время как я сильно шлепал Сесиль. Я трудился над широким, полным девичьим задом, но, похоже, ей это пришлось не по вкусу, ибо с первых же ударов она громко взвыла. Одновременно три мастерицы порки, к которым я был обращен лицом, завершили подготовительную стадию и перешли от ладоней к розге, которая резко и грубо стала ложиться на нежные покрасневшие тела, что отвлекало мое внимание и от чего зад Сесиль только выиграл, ибо, вместо того чтобы наносить удары, моя рука стала его гладить; так что я совершенно забылся, наблюдая за приятными подергиваниями этих трех сурово наказываемых задов, которые то подпрыгивали, то раздвигались, то сжимались, то подрагивали, те же, кто производил порку, сладострастно ерзали по пояснице наказываемых и нежно терлись, подобно мартовским кошкам, что предвещало свидание с Цитерой. Во исполнение распоряжения мисс Пируэт, заметивши, что я весьма снисходительно обращаюсь с задом Сесиль, я вновь принялся наносить увесистые удары по прелестным ягодицам девушки, которая опять жалобно завывала; я настолько вошел во вкус, что мои удары становились полновеснее, крепче, сильнее, кожа стала опухать, обжигая мне пальцы в момент соприкосновения с нею. По группам, расположившимся передо мной, прошла дрожь, исполнительницы подались вперед, положив руки на пылающую кожу подрумяненных ягодиц, и стали яростно тереться о поясницы своих скакунов, возведя глаза вверх, стиснув зубы, дрожа всей грудью и раскачивая розовые соски. Сесиль умолкла и наравне с ними погрузилась в наслаждение, я же перестал ее шлепать и с трудом ввел указательный палец в сжавшееся отверстие.

Тут группы разъединились; верхние и нижние поменялись местами, а специалистки порки уселись верхом на новеньких и занялись тем, что превращали в розовые три лилейно-белые округлости, принадлежавшие Лизон, Лоле и Мине. Мисс Пируэт заняла у меня на коленях то место, что прежде занимала Сесиль, и попросила как следует выдубить ей кожу, а блондинку — . полакомиться ее бутончиком. «Клик-клак», — послышались глухие звуки ударов, ритмично и шумно опускающихся на нежную кожу; я не щажу мисс Пируэт, ибо, следуя буквально ее рекомендациям, похоже, действую так, что каждый с силой отвешиваемый мною удар как будто раздавливает и разминает кожу, однако она, еще горячая после предыдущего наказания, упруго сопротивляется ударам и возвращается на место, точно резиновый мячик.

Три мастерицы, взявшись за розги, начинают обрабатывать уже покрасневшие места; розги

опускаются ритмично, со звучным «флик-флак», сами же исполнительницы сладострастно раскачиваются поверх оседланных поясниц. А Сесиль совершает чудеса в храме любви, ибо вскоре мисс Пируэт заливают волны наслаждения, и она, опередив наших визави, оказывается в объятиях Цитеры.

Когда же она встала на ноги, то заметила, что вся остальная компания пока что находится еще на полпути к намеченной цели. Тогда она повернулась ко мне, увидела, что мой приап в состоянии полнейшей готовности, тотчас же прыгнула ко мне на колени, мигом уселась на него и заскакала, точно одержимая. Затем под предлогом, что не видит зрелища, разворачивающегося за спиной, прыгнула с седла, развернулась, наклонилась вперед, повернувшись ко мне ягодицами, и жестом предложила взять ее сзади. Нагнувшись к ней, я ввел член в податливую ватину, увлажненную росой, только что ее залившей, и толчком загнал его на полную длину; иногда мой живот стал тереться о ее пылающий зад, я устремился в мир наслаждений и стал действовать с невероятным усердием, опустив голову ей на плечи, чтобы не упустить ничего из разворачивавшихся передо мной живых картин, так и не кончавшихся, ибо девушкам под занавес вдруг захотелось начать по второму разу.

Воодушевленная Сесиль рывком опустилась на колени перед мисс Пируэт и запустила язычок в то самое укромное местечко, которое уже целиком и полностью занял мой огромный инструмент; но каким-то чудом ей удалось туда прокрасться, и на нас нахлынули сладчайшие ощущения от нежнейшего прикосновения ласкающего бархата, одновременно скользящего и по клитору, и по моему жезлу. И мы быстро при его содействии попали на встречу с Цитерой, опередив как минетчиц, так и их истязательниц, все еще размахивавших розгами, погрузившись в океан сладострастия; но вот и они отбросили инструменты в сторону, чтобы без помех отдаться страсти и бешено потереться бедрами, возбужденные сладострастными прикосновениями.

— А до меня очередь все никак не доходит, — проговорила охваченная любовным безумием принцесса, протягивая мне розги. — Посмотрим, пошли ли вам мои уроки впрок! Тогда в полном соответствии с ранее высказанными ею рекомендациями я поставил ее на колени сбоку от кресла, перегнул через подлокотник с таким расчетом, чтобы голова ее уткнулась лицом в сиденье, а прекрасный белоснежный зад оказался передо мной так, чтобы я смог удобно и крепко ее отшлепать. Каждый удар, нанесенный раскрытой ладонью, вдавливался в тело, ни единый уголок которого не остался у меня без внимания, вся кожа покраснелась, обжигая мне пальцы, когда я проверял степень ее готовности. А когда обработка рукой завершилась, девушка встала под специально приспущенную трапецию, оперлась руками о перекладину, тем самым приподняв все свои прелести и продемонстрировав великолепные, полные и округлые полушария прелестного карминового оттенка.

Десять девчонок встали перед нею, смешавшись в кучу, и заспорили, кто из них займется ее прелестями и как; в результате две легли на ковер и стали вылизывать ей ступни, еще две забегали губами и язычком по ногам до колен, еще две — от колен и по всей длине ляжек; в центре группы на колени встала Мерседес, чтобы обслуживать грот любви, погрузив нос в гущу руна; а две андалузки встали по бокам, поочередно посасывая обе груди и меняясь ролями. Мисс Пируэт прыгнула на ту же трапецию и, закрепившись коленями, повисла вниз головой, прильнув губами к губам принцессы; а пока десять тружениц на совесть обрабатывали ниву любви каждая на своей делянке, я приложился розгой к прекрасному пурпурному заду, который лишь дернулся при первом ударе и стал бешено извиваться уже на

десятом; тут я прервал порку и стал целовать божественные полушария, а потом влез языком меж ягодичек и стал массировать вход, так что девушка обезумела от страсти и предалась любовной дрожи.

— Еще, еще! — громко потребовала девушка, которую явно не устраивал столь быстрый исход дела.

Тогда я снова встал во весь рост и, пустив в ход розгу, продолжил суровое наказание по огромному поддурманенному задку, во время которого десять охваченных страстью девушек любовно трудились по всей длине тела принцессы, с ног до головы. А мисс Пируэт, несмотря на неудобную позу, жаркими ласками распяла зацелованные засос губы. Ягодицы же продолжали самым непосредственным и приятным образом реагировать на розгу, и каждый удар, прочерчивающий очередную красную линию, заставлял их то подпрыгивать, то раздвигаться, то сжиматься, то приподниматься, то резко опускаться. Все это вынуждало меня принять одно-единственное немедленное решение. Мэтр Жак был в бешенстве; мне даже показалось, что обычного прикосновения к разгоряченным ягодичкам было достаточно, чтобы вызвать у него слезы любви. Передо мной стоял выбор: член или розга, само собой, мне хотелось довести сечение до конца, но в итоге я отбросил в сторону инструмент наказания и подошел с вставшим членом к разгоряченному задку, раздвинул ягодички, обжигавшие мне пальцы, и нагнулся, чтобы при помощи языка увлажнить края отверстия; затем я приподнялся и приблизился к отверстию, намереваясь самым решительным образом им заняться. Мисс Пируэт, наблюдавшая с высоты за всем происходящим, спрыгнула на пол и решила мне помочь; и когда благодаря ее содействию я занял соответствующее место, она, словно кошка, снова забралась на трапецию и, приняв заведомо неудобную позу, вновь приступила к трудам на ниве сладострастия. Страсть, с которой я действовал в столь уединенном местечке, и огонь, который охватил его окрестности, воздействовали столь решительным образом на мэтра Жака, что он поторопился воспользоваться столь горячим пленом ради скорейшего и острейшего наслаждения. И стоило мне только очутиться под гостеприимным кровом, как принцесса, трепеща, начала извиваться, охваченная любовным безумием, задрожала всеми частями тела, мускулы ее сжались, анус стянулся, зажав мой член эластичными стенками прохода, где я никак не мог перестать испускать струи горячей жидкости до тех пор, пока не прекратились любовные конвульсии моей партнерши.